

М. В. Силантьева¹

МУЛЬТИКУЛЬТУРИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СЦЕНАРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Возможности и границы межкультурного диалога в коммуникативном пространстве современной культуры определяются прежде всего соизмеримостью (или несоизмеримостью) ценностной базы такого диалога (и шире — взаимодействия культур в целом).

Философия еще в начале XX века в рамках поиска моделей «неклассической рациональности» обратилась к идеям «жизненного мира» (Э. Гуссерль), «экзистенциалов» (М. Хайдеггер), «исторического времени» (Н. Бердяев), «языковой игры как формы жизни» (Л. Витгенштейн, Дж. Остин) и т. п. В конечном счете предложения, выработанные «неклассической рациональностью», сводились к рекомендации при анализе истинности высказывания обращать внимание на тот «фон» существования, который сопутствует тем или иным рассуждениям в качестве конкретного времени и места их рождения. Конкретизируя этот подход, с одной стороны, М. М. Бахтин формулирует понятие «хронотопа»; с другой — М. Фуко, Ж. Деррида и Ж. Делез вводят различие виртуального образа бытия как проекции сознания, налагаемого им на мир, и самого мира, который становится тайной за семью печатями. В свете последней концепции не только язык играет говорящими в процессе общения, но и сама игра, играя участниками, сталкивается с навязываемой ими ей и друг другу «своей игрой».

В самом деле, анализируя пространство межкультурной коммуникации в современной Европе, США и России, где за последнее время в силу интенсификации миграционных потоков такая коммуникация стала частью повседневности, нельзя отделаться от мысли, что различные социальные группы разной «величины» и «веса» системно конкурируют друг с другом на «игровом поле» коммуникативных практик. В процессе описываемой здесь конкурентной ситуации выживания собственных систем ценностей эти группы стремятся навязать «свою игру» конкурентам и уклониться от «игр», навязанных ими. Это касается в равной мере выходцев из Черной Африки и Курдистана, а также самих европейцев. Последние, правда, составляют наиболее нейтральный «отряд» игроков, допускающих даже идею поражения собственной версии культуры в рамках сценария «мультикультуризма». Мультикультуризм неразрывно связан со стремлением преодолеть европоцентризм. Правда, изначально импульс такого преодоления на практике восходит к амбивалентному

ценностному отношению Нового Света к Старому. Поэтому стремление «уравнять в правах» «старушку Европу» с ее музеями и дворцами с конгломератом поселений любого другого континента следует искать в стремлении технически совершенной Северной Америки реабилитировать свою «внеисторичность» и ощущаемую в связи с этим «ценностную второсортность». Ощущаемую особенно остро теми, кто имеет отношение к культуре и истории.

Европа, в общем, особо не возражает тем оппонентам, кто в теоретических дискуссиях и в законодательной прагматике «расширяет» ее ценностную базу до принятия некоторых норм шариата (пример: многоженство как практика въезда второй жены мусульманина в Великобританию по туристической визе с последующим предоставлением ей социальных льгот как жене своего мужа при условии, что брак заключен не на территории Соединенного Королевства). В Германии законодательно запрещен отказ в приеме на работу по национальным и расовым мотивам (однако разрешено при этом отказывать «без объяснения причин»). На основании сказанного можно предполагать, что практика мультикультуризма, имевшая место в странах Западной Европы, была все-таки «подстрахована» со стороны национальных государств (разумеется, национальных в культурном и языковом, а не этническом смысле) наличием альтернативных сценариев, основанных на требовании сохранения ценностных параметров «материнской» культуры. Так, во всех без исключения европейских странах и США существует довольно строгое законодательство о национальном языке. Особенно это касается (по понятным причинам) медицины, детских и образовательных учреждений; различных сфер сервиса, требующих высокой квалификации.

Ярким примером здесь может служить Швейцария. Используя, как и другие страны, труд мигрантов на низкоквалифицированных и тяжелых работах, эта страна «по определению» запрещает им въезд на постоянное место жительства. Другой пример — Австрия, где при сравнительно резком сокращении численности и способов въезда иммигрантов сегодня существует разветвленная система бесплатных государственных курсов, способствующих знакомству неимущих слоев общества (состоящих как из собственных граждан, так и включающих мигрантов) с основами немецкого языка и культуры, а также современными коммуникативными и некоторыми профессиональными технологиями. Таким путем осуществляется укрепление национальной идентичности на «любом» этническом субстрате — рекрутируемом из числа тех, кто психологически «готов» стать немцем, оставаясь при этом выходцем из Нигерии или России. Но именно выходцем, для кото-

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч. книг: Экзистенциальные проблемы этики творчества Н. Бердяева, «Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии», «Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности» и др. Член Российского философского общества.

рого не только язык, но и другие ценности бывшей «материнской» культуры отодвигаются на второй план по отношению к гражданским и культурным ценностям «принявшей» его страны.

Мультикультурализм, об упокоении которого возвестила канцлер Германии Ангела Меркель, по сути, представляет собой не столько продуманную национальную политику, сколько неизбежную фазу «притирания» мигрантских субкультур к национальным идентификационным программам государств и народов, давших им приют. Претендуя на приведение собственной идентификационной программы мигрантов к «общему знаменателю», составленному из «сверхценности» массового потребления и амальгамированных ценностей их исторической родины, мультикультурализм лишь служил отсрочкой, этапом в решении идеолого-культурных задач «принимающих» стран. Отсрочкой, которую, морщась, терпели, но которой на деле никогда не придавали декларируемого общественного веса.

Альтернатива мультикультурализму — «поликультурность», способность поддерживать «плаучность» исходных культурных ценностей при однозначном доминировании принятых в качестве определяющих ценностей иной культуры. Способность удерживать высокую планку, задаваемую подобными требованиями, вряд ли может иметь массовый характер. Для тех государств, которые не смогут выде-

лить средства на превращение мигрантов в полноправных (прежде всего в культурном смысле!) граждан своей страны, остается швейцарский вариант.

Как известно, в психологии размывание идентификационных программ считается одним из наиболее близких путей к кризису личности. Государственная идеология, в значительной степени состоящая из «сверхпсихологической» программы национально-культурной идентификации, — также один из ключевых механизмов поддержания общественной консолидации на должном уровне. Продуманная национальная политика, основанная на уважении прав человека, в том числе и его права поддерживать ценности своей культуры, — важный элемент стратегии устойчивого развития, особенно перспективной в посткризисное время. В то же время нельзя требовать от всех гастарбайтеров быть билингвами в полном смысле этого слова. Очевидно, что национальные идентификационные программы будут претерпевать влияние «встречных» идентификационных проектов и даже включают некоторую часть казусов, связанных просто с неправильным «прочтением» тех или иных «исконных» смыслов» (ср. русскую транскрипцию «яхта» английского слова «йот», похожую на чтение этого слова плохим школьником). Актеры межкультурного диалога при этом все равно останутся в тех границах, которые определены ценностями, принятыми ими в качестве базовых.

А. В. Смирнов¹

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Современные многоаспектные процессы глобализации и интеграции, характерные для развития цивилизации XXI века, осуществляются в условиях диалога культур и формирования новых общекультурных элементов как показателей становления глобальной культуры. Элементы глобальной культуры отражаются, прежде всего, в языке как носителя культурных ценностей, материальных и духовных, и в развитии языковой картины мира. Язык — это часть человеческой культуры и это порождение самой культуры и средство ее выражения.

Каждый национальный язык отражает национальный менталитет, его исторические корни и свою уникальную культуру и картину мира. Языковая картина мира развивается как составная часть концептуальной картины мира, в которой в резуль-

тате межкультурного взаимодействия и диалога культур формируются новые смысловые концепты, лежащие в основе взаимопонимания и взаимодействия носителей различных языков. Новые знания встраиваются в структуру языков и усваиваются последующими поколениями вместе с усвоением родного языка и иностранного языка.

Под влиянием процессов глобализации развиваются тенденции, изменяющие языковую картину мира:

— выделяются прагматически престижные языки, которые занимают ведущие позиции в межнациональном общении, языки мира (английский, немецкий, французский), — это европейские языки, отражающие приоритетное развитие европейской культуры;

— усиливаются процессы умирания малых и сверхмалых языков, «по оптимистическому прогнозу уже в конце нынешнего столетия исчезнет 60—70 % языков, по пессимистическому — 95 %, и исчезновение каждого языка является серьезной гуманитарной потерей» [1];

— в информационно развивающемся обществе формируются новые общепонятные языковые фор-

¹ Заведующий кафедрой иностранных языков и делового перевода Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (Санкт-Петербург), кандидат филологических наук. Автор 20 научных публикаций, в т. ч. книг: «Языковая картина мира английской народной сказки», «Непрерывное образование как педагогическая система. Акмеологический подход», «Тестовые задания по практическому курсу английского языка» и др.